

УДК 10 (09)

UDC 10 (09)

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ЦЕННОСТЯХ
В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СИДОНИЯ
АПОЛЛИНАРИЯ**

**ON SOME VALUES IN THE SISTEM OF
SIDONIUS APOLLINAIRIS' OUTLOOK**

Буяров Дмитрий Владимирович
ст. преподаватель
*Благовещенский государственный
педагогический университет, Благовещенск,
Россия*

Buyarov Dmitry Vladimirovich
senior lecturer
*Blagoveshchensk state pedagogical university,
Blagoveshchensk, Russia*

В представленной работе автор рассматривает некоторые особенности мировоззрения позднеантичного писателя и политического деятеля Сидония Аполлинария. На основе анализа работ Сидония Аполлинария делается попытка реконструкции культурно-исторического типа позднеантичной личности

The author presents some features of Sidonius Apollinairis' outlook, a writer and politician of late antiquity. On the basis of the analysis of Sidonius Apollinairis' works the author attempts to reconstruct the cultural-historical type of the antique personality

Ключевые слова: СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ,
ГАЛЛИЯ, ГАЛЛО-РИМСКАЯ ЗНАТЬ,
МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ПАТРИОТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ, ЦЕННОСТИ

Keywords: GALLIA, GALLO-ROMAN
NOBILITY, OUTLOOK, PATRIOTIC
CONCEPT, VALUES

Стихи и письма Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 480 гг. н. э.) происходившего из знатного галло-римского рода, бывшего поэтом, государственным и церковным деятелем, а также участником важнейших событий, происходивших в то время в Западной Римской империи, были созданы для удовлетворения потребностей и интересов определенного слоя общества, а именно, галло-римской аристократии, как светской, так и религиозной. Его произведения отражали чувства, мысли и идеалы конкретного социального слоя и соответственно эти сочинения могут дать представление об идеологии и социальной психологии круга многих современников Сидония, тех представителей знати, церкви, культурной элиты галло-римского общества, от многих из которых к настоящему времени сохранились лишь имена.

Исследование мировоззрения Сидония Аполлинария, идеологии и психологии культурной элиты галло-римского нобилитета, облегчает знакомство с менее известными авторами V в., способствует более

объективной оценке той роли, какую сыграл этот слой общества в переходный от античности к средневековью период.

Наконец изучение идеологии, мировоззрения и ментальности Сидония и соотнесение этих категорий позволяет стремиться к реконструкции особенностей психологии и философских взглядов определенной части галло-римского общества. А это в свою очередь позволяет воссоздать в определенной степени новый культурный тип позднеантичной личности.

В мировоззрении Сидония Аполлинария уникальным образом сочетались светские и религиозные ценности, и строго разделить эти два уровня не представляется возможным. Можно лишь осуществить попытку определить некоторые идеи и взгляды, относящиеся к светской жизни. В то же время следует помнить, что та система взглядов, которая сформировалась у Сидония в период получения образования и осуществления политической карьеры, сохранялась у него во многом и в клерикальный период жизни. В этой связи подробнее следует рассмотреть основные политические идеалы и воззрения Сидония Аполлинария, его отношение к ряду хозяйственных вопросов, а также роли и позиции знати.

В конце IV в. Римская империя вступает в фазу распада. Западная Римская империя была ослаблена кризисом рабовладельческого способа производства, нашествиями варваров и частыми правительственными переворотами. В IV-V вв. политический и государственный строй Западной Римской империи претерпел существенные изменения, связанные с теми сдвигами, которые имели место в социально-экономических отношениях. Центр тяжести общественной жизни перемещался из города в деревню, а политической жизни из центра в провинции. Экономические и

политические связи между провинциями и метрополией, которые никогда не были прочными, теперь еще более ослабевали [2, с. 28].

Управление провинциями, которое прежде находилось в руках бюрократии, связанной лишь с императорской властью, стало переходить к местной знати. К примеру, в V в. префектами Галлии являлись почти исключительно галло-римские магнаты [2, с. 31].

Упадок центральной власти сопровождался усилением самостоятельности магнатов. Некоторые из них укрепляли свои виллы, заводили военные отряды в своих владениях и вели борьбу против варваров, как, например, овернский магнат Эждиций около 460 г. против Эйриха [3, с. 46]. В середине V в. Галлия являлась одной из наиболее романизованных частей империи и, несмотря на разрушительные набеги варваров, оставалась одним из ведущих экономических центров римского мира.

Формально Галлия продолжала входить в состав Западной Римской империи в качестве одной из двух ее префектур, фактически же господство Рима над Галлией перестало быть реальным. Западноримские императоры перенесли свою резиденцию в Медиолан, а затем в Равенну. Примечательно, что Сидоний Аполлинарий при описании Равенны, главным образом обратил внимание на то, что все в этом городе противоречит природе, римским законам, традициям и обычаям. «Что за город или, лучше сказать, что за болото, где ты живешь! – обращается Сидоний к Клавдиану. – У вас извращены все законы природы! Стены плавают, а вода стоит; башни ходят, а корабли сидят на мели; в банях холодно, а в комнатах сгоришь от жары; вот твоя Равенна! Сама жизнь, какую вы ведете, представляет прямо обратное тому, что видишь в других местах. У вас бдительность составляет качество воров, а магистрат спит, духовенство отдает деньги в рост, а сирийцы (менялы) распевают по улицам как клирики;

купцы ведут войны, а солдаты торгуют; евнухи упражняются в фехтовании, а мирные варвары предаются наукам» [10, Ер. I, 8]. Безусловно данное описание явно приукрашено с целью противопоставления провинций центру, но в то же время характеристика, данная Сидонием Равенне, свидетельствует о том, что, с точки зрения традиционных римских ценностей, новая столица отнюдь не соответствовала идеалу.

В это время в Галлии различные провинциальные группировки знати, теряя надежду на поддержку Равеннского двора, все больше сближались с варварскими королями, надеясь ценой уступки части земельной собственности сохранить остальную и существующие социальные порядки [6, с. 184]. Опираясь на союз с вестготами галло-римская знать, преследовала свои интересы в отношениях с Римом. Проявлением этого становится провозглашение в замке Угерн, недалеко от Арля, центра Галльской префектуры советом знати Авита императором 9 июля 455 г. [10, Сarm. VII, 543-549].

Сидоний Аполлинарий, уверявший друзей, что не следует завидовать почестям и судьбе императоров [10, Ер. II, 13], вероятно в случае с Авитом, мог верить, что свежая галльская кровь способна возродить былую мощь Рима [10, Сarm. VII, 139-169]. В панегирике Авиту утверждается, что с началом его принципата, наконец-то появилась та золотая возможность, когда Галлия может почувствовать собственную силу. Если император Петроний Максим, владел, лишь охваченной паникой столицей, то Галлия свободно может владеть миром, если благодаря Авиту она вернет утраченные земли. А в заключительном слове Юпитер выражает надежду, что более сильный Север принесет благо увядшему Югу [10, Сarm. VII, 543-558, 585-587].

После свержения Авита усиливается оппозиционность галло-римской знати, стремившейся занять ключевые позиции в

политической жизни империи. Сидоний Аполлинарий так описывает положение и настроения галло-римской аристократии: «Для нас эта жизнь среди бедствий, среди похорон мира была хуже смерти. Мы, однако, следуя примеру предков, еще чтим бессильные законы. Мы считали священным долгом следовать за старым порядком в его падении. Мы терпели этот призрак власти. Более по привычке, чем по праву, мы терпели зависимость от дряхлого народа, исполненного пороков, терпели эту породу людей, привыкших облекаться в пурпур» [10, Carm. VII, 535-544]. Но выступления галло-римской знати были разрозненными и не имели единой программы. В этих условиях укрепляются позиции нового императора – Майориана. В то же время союз с бургундами был сопряжен с трудностями соседства с варварами. Сидоний Аполлинарий жаловался: «Я живу среди мохнатых орд. Я слышу только германскую речь. Я слушаю с мрачным видом то, что поют опьяневшие бургунды...» [10, Carm. XII, 1-23].

Сидоний Аполлинарий, отражавший позицию горожан, видел спасение города в укреплении императорской власти: «Так как ты являешься единственной надеждой в нашем несчастье, обращается Сидоний к Майориану, мы молим помочь нам разоренным. Проходя победителем, взгляни на Лион твой. Удрученный чрезмерными бедствиями, Лион просит у тебя покоя. Ты дал ему мир, возврати же и бодрость духа» [10, Carm. V, 576-580]. Вступив в город, Майориан не обострял отношений с местной знатью, не наказывал ее за оппозиционность. Он надеялся, что варварская опасность и реформы привлекут галло-римскую знать на его сторону [6, с. 200]. В панегирике Майориану Сидоний даже заявил: «Нам нравятся развалины нашего города, так как они – следствие твоего триумфа» [10, Carm. V, 585-586]. В этих словах выразилась готовность галло-римской знати простить Майориану ограбление Лиона за обещанные ей привилегии. В

благодарность за них и за прощение оппозиционности Сидоний обещал служить императору своим поэтическим даром: «Пусть будет тебе рабом язык поэта, которого ты спас и которому твоя похвала будет ценой моей жизни» [10, Carm. IV, 11-14].

В период активной политической деятельности Сидония Аполлинария сепаратистские выступления в Галлии предприняли лишь Арванд и Серонат. Оба были казнены. Судьбе первого Сидоний явно сочувствовал и расценивал поступок Арванда лишь как необдуманый и легкомысленный [10, Ep. I, 7]. Серонат же вызывал у него нескрываемое презрение и ненависть. Так как был лишь викарием Второй Аквитании и не имел еще титула «светлейший», и следовательно незаконно претендовал на верховное господство во всей Галлии [10, Ep. II, 1].

В 471 г. вестготы перешли в наступление на Овернь. Равеннский двор не прислал помощи, но, несмотря на отсутствие поддержки со стороны правительства провинциалы мужественно сдерживали вестготов. Особенно длительной была осада центра провинции – Клермона. Горожанами не раз овладевала паника, но несколько блестящих побед над вестготами поддержали боевой дух осажденных, которых возглавляли Сидоний и Экдиций [10, Ep. III, 3].

Равеннское правительство, не имевшее средств для отпора вступило в переговоры с вестготами. Переговоры с королем вестготов Эвриком (Эйрих) были поручены галльским епископам: Леонтию Арльскому, Греку Массилийскому (Марсельскому), Василию Экскому и Фаусту Риезскому [1, с. 305]. У Сидония возникло подозрение, что они предадут Овернь. В письме к Греку он писал: «Вот так нас отблагодарили за сражения, пожары, эпидемии, за то, что мы проливали кровь врага, за то, что нас били и мучили голодом. Краснейте за этот постыдный договор. Если необходимо еще вынести

осаду, сразиться и терпеть голод – мы согласны. А если нас уже предали, нас, не сломленных готской силой, – это следствие вашей трусости, придумавшей пункты договора с варварами... Другие провинции, уступленные варварам, обречены на порабощение, овернцы – на казни и уничтожение. Если вы не можете помочь нашему отчаянному положению, – молитесь за народ, теряющий свободу» [10, Ер. VII, 7].

Опасения Сидония оправдались. Предполагая, что после взятия Клермона вестготам понадобится много времени и сил для окончательного покорения Оверни, Равеннский двор увидел в этом спасение для Италии. В 475 г. император Юлий Непот признал власть вестготского короля Эврика в оккупированных вестготами провинциях и уступил ему Овернь, которая продолжала успешное сопротивление [6, с. 214].

К этому времени почти все слои провинциального общества уже не нуждались в единой империи, а интересы Галлии в их представлении были более значительными, чем интересы Рима. О свержении последнего западноримского императора Ромула Августула Сидоний даже не упомянул. Это событие не представляло важного политического интереса для галло-римской аристократии.

Интересы провинциалов давно разошлись с целями и стремлениями римского сената и чиновничества. В этом нет ничего удивительного, поскольку длительный процесс формирования Галлии, как этнополитической системы завершился, и это стало окончательной реальностью в период падения Западной Римской империи.

Своеобразный провинциальный патриотизм галло-римской аристократии, приводивший ее в оппозицию к императорской власти, являлся отражением данного процесса.

В сочинениях Сидония Аполлинария уделено немало внимания проявлению патриотических чувств и мыслей, он излагает собственное понимание патриотизма и условий привязанности человека к определенным местам.

Прежде всего, человек привязан к той земле, где он родился, откуда произошли его предки [10, Ер. III, 3; IV, 21]. Однако быть привязанным к земле лишь как к месту рождения явно недостаточно. Поэтому Сидоний отмечает, что именно в Оверни выдающиеся школы риторов и грамматиков воспитали его в соперничестве друг с другом, стремясь углубить его знания в области свободных искусств. В результате он получил такое образование, что не может отказаться любить арвернцев [10, Ер. III, 3; IV, 21].

Следующим условием привязанности к родине, по мнению Сидония, служит уважение земляков и сограждан, а также любовь друзей. В послании к Экдицию Сидоний напоминает с каким восторгом встретили того все горожане, как они ликовали по поводу его победы над вестготами. Любовь и уважение сограждан, по утверждению Сидония, явились столь значительным стимулом проявления патриотических чувств Экдиция, что он на собственные средства собрал ополчение [10, Ер. III, 3]. И как утверждает Григорий Турский, в течение всей зимы кормил за свой счет четыре тысячи измученных голодом арвернцев.

Также Сидоний особо отметил еще одно важное условие привязанности человека к определенному месту, а именно наличие собственности, приносящей доход [10, Ер. III, 3; IV, 21]. Так, например, чаще других мест в Галлии Сидоний упоминает Овернь. Это было обусловлено тем, что он издавал свои сочинения уже, будучи епископом у арвернцев. А в окрестностях Оверни он имел прекрасную виллу.

В выражении своих патриотических чувств Сидоний Аполлинарий был предан римской системе ценностей. Это проявилось в частности в том, что он не выражал интереса к самобытной народной культуре, не упоминал случаев обращения образованных галло-римлян к кельтским традициям и обычаям. Сидоний хвалил Экдиция за то, что тот, образовывая отпрысков знатных фамилий, избавил их от накипи кельтской речи [10, Ер. III, 3].

История Галлии, эпоха покорения ее Римом, была известна Сидонию в официальной римской интерпретации по сочинениям Цезаря и Тацита. Но образованные галлы дополнили римскую версию истории, изложенную в «Энеиде» Вергилия, легендой о том, что арвернцы происходят от троянцев и что они братья латинов [10, Ер. VII, 7; Carm. VII, 139-140]. Эта идея должна была обосновать претензии Галлии в отношениях с Римом.

Выросший в семье крупных государственных чиновников, получивший образование в латинских грамматических и риторских школах, Сидоний существовал в среде унаследовавшей и сохранившей римский образ жизни. Он любил и знал большое количество римских авторов, но собственно римляне – его современники, симпатии у него не вызывали. В панегирике Авиту, Сидоний противопоставлял галло-римскую знать дряхлой и порочной римской породе [10, Carm. VII, 535-544], такой же дряхлой как и сам Рим.

Наблюдая стремительный процесс варваризации римского общества, Сидоний полагал, что истинными наследниками и хранителями римских устоев и традиций, культуры и образа жизни являлись уже не собственно римляне, а его знатные земляки, не Рим и Равенна, а Лугдунум, Нарбон, Овернь.

Сидоний Аполлинарий не отрицал тотально римскую систему ценностей, а трансформировал ее применительно к Галлии. Черты

близкой ему системы ценностей он видел, прежде всего, в романизированной Галлии. Искренне убежденный в превосходстве Галлии над остальными областями, Сидоний рассматривает ее как вполне возможный политический центр римского мира. Мысль о том, что его родина является единственной надеждой Рима, пронизывает панегирик Авиту. «Я не знаю, – говорит Рим, – кто может сравниться с Траяном, разве ты, Галлия, опять пошлешь того, кто победит» [10, Carm. VII, 116]. Эта же мысль занимает центральное место в одном из последних его стихотворений, в котором воображаемый римлянин молит, чтобы Гаронна, сильная пребыванием на ее берегах Марса (Эврика, короля вестготов), защитила ослабевший Тибр [10, Ep. VIII, 9].

Во второй половине V в. господство Рима над Галлией стало формальным. Центральное правительство уже не могло защищать провинцию. Более того, безучастное к судьбе Галлии и, по сути дела, давно не исполнявшее своих функций Равеннское правительство взяло на себя ответственность решать вопрос о передаче провинций готам. После падения Оверни и передачи последних провинций варварам, Сидоний должен был расстаться с надеждой сохранить в Галлии осколок Римской империи. Во многом именно поэтому Сидоний Аполлинарий не пишет о свержении последнего западноримского императора. С этого момента галло-римская знать могла надеяться лишь на собственные силы.

Возможность обеспечить благосостояние собственными ресурсами, рост престижа местного производства, перемещение в Галлию политических и культурных центров способствовали дальнейшему развитию местного патриотизма в среде галло-римской знати.

Патриотическая концепция Сидония Аполлинария во многом проистекала из показателей экономического развития Галлии. В качестве примера можно использовать описание Сидонием Оверни. В V в. Овернь являлась крупным административным центром Аквитании, которая как и многие другие области Галлии, в период затишья варварских нашествий, вновь стала развиваться [8, с. 339; 9, с. 407]. При этом, хотя Сидоний и говорит о разорении, но в целом его описания не производят впечатления всеобщего упадка. Восстанавливался порядок, распахивались поля, собирались налоги, возобновлялась почтовая служба, а крепостные стены отстраивались заново [10, Ер. II, 2; IV, 18; V, 6, 10, 12; VIII, 4]. Сидоний упоминает о поселении в Аквитании беженцев из других провинций [10, Ер. VI, 10], и не жалуется на нехватку работников. Довольно часто Сидоний сообщает о конфликтах из-за прав на владение землей [10, Ер. II, 5; III, 5; IV, 1; V, 1; VI, 2-4; VII, 15; VIII, 6], что свидетельствует о желании владеть и пользоваться землей. Вероятно, в Аквитании располагалось несколько имений самого Сидония [10, Ер. II, 2; VIII, 9].

Описывая виллы знатных галло-римлян, Сидоний отмечает не только их благоустройство и роскошь, но и стремление производить все необходимое на месте и использовать местные ресурсы. В отличие от предшествующих периодов, Сидоний Аполлинарий вполне был удовлетворен произведениями искусства галльских мастеров и художников. Описывая собственную виллу он указывает: «Что касается до мрамора, то у меня нет ни паросского, ни каристского, ни проконесского, ни фригийского, ни нумидийского, ни спартиатского, со всеми их видоизменениями; у меня нет ни камней, обделанных наподобие эфиопийских скал, ни изделий из раковин пурпурного цвета нашей подделки, с целью обмануть горами, сделанными из стружек. Но если, ни один чужеземный мрамор не обогащает наше скромное

жилище, то зато оно украшено естественными произведениями страны. К чему же стараться обставлять себя более тем, чего не имеем, нежели тем, что рождается около нас?» [10, Ер. II, 2]. Подобные описания являются хорошим подтверждением патриотической концепции Сидония.

В целом система ценностей Сидония Аполлинария, на которых строилось его мировоззрение, не сводится только к патриотической концепции. Большое значение в системе его взглядов имели вопросы, связанные с идеалом «благородного человека». Под благородными людьми, Сидоний понимал, в первую очередь, представителей родовой знати. Но при этом неременным условием считал не только происхождение, но и определенный круг занятий.

Анализ сочинений Сидония позволяет считать, что его идеалом была не созерцательная, а деятельная, активная личность. Например, Сидоний осуждает горделивую праздность и отвращение к деятельности, свойственное ленивым. «Я вижу как они сами, отчаявшись возвыситься, философствуют за бокалом вина, прославляя не получивших почетные должности, по причине скорее вредного влияния праздности, чем стремления к совершенствованию» [10, Ер. I, 4]. В поучительных письмах, обращенным к юноше, Сидоний пишет: «Вас, преданных приверженцев догматов Плотина, увлекла в бездну неумеренно замкнутого досуга школа платоников, учение которой тогда будет приличным занятием гражданину, когда не останется обязанностей по отношению к фамилии» [10, Ер. III, 6]. И далее, «Если ты подчинишься увещаниям, я готов быть в твоих усилиях товарищем и помощником, руководителем и партнером. Если ты, однако, позволишь себе запутаться в сетях роскоши и предпочтешь, как говорят, быть связанным догматами Эпикура, который выбрасывает за борт груз добродетели и находит высшее благо только в телесных

наслаждениях, тогда я призову всех предков и потомков в свидетели того, что я ничего не могу поделать с этим злом» [10, Ер. I, 6]. Наконец, Сидоний отмечает, что «каждый достойный человек может и должен служить общественным интересам» [10, Ер. III, 6]. В этой связи следует более подробно обратиться к понятиям общественной деятельности.

Согласно сложившейся к V в. концепции, все подобающие человеку занятия делились на «negotium» и «otium». Единство этих понятий выражалось в том, что оба термина выступали в значении «занятие». Однако они имели и различия, поскольку «negotium» употреблялось в смысле «труд, работа», а «otium» в значении «отдых, досуг» [4, с. 42-43]. Но первоначально эти понятия трактовались иначе. Например, Цицерон понятие «negotium» связывал с обязанностями добропорядочного гражданина по отношению к общественным делам [7, I, 72]. Те же занятия, которые не были непосредственно связаны с исполнением различных магистратур, деятельностью военных и ораторов, Цицерон относил к категории «otium», в том числе труд философов и литераторов [7, I, 69]. Сам Цицерон литературным занятиям посвящал только то время, которое у него оставалось после «negotium» [7, IX, 16].

В то же самое время современник Цицерона Саллюстий, потерпев неудачи в политической деятельности, своим основным трудом провозгласил историко-литературное творчество и рассматривал его как продолжение политической деятельности, но другими средствами. Обращаясь к тем, кто называл его деятельность праздной, Саллюстий отвечал: «Государство получит от моего досуга выгоду большую, чем от деятельности других» [5, 4, 4]. Кроме того Саллюстий писал: «Магистратуры и командование, словом всякая забота о делах государственных, в наше время совсем не кажутся мне желательными, так как, с одной стороны, не доблести воздается почет, с другой

стороны, те кому он достается путем обмана, не обретают ни безопасности, ни почета» [5 3, 1]. Позже в образованной среде разочарование в государственной деятельности усиливается еще больше.

Так, например, Плиний Младший полагал, что в его время в сфере государственной деятельности наиболее активным и достойным гражданам нет подходящего места [10, Ер. IX, 2]. Не рассчитывая на непостоянную популярность среди современников, Плиний желал славы в качестве писателя и историка. Он писал: «Я хочу заняться историей, потому что, по-моему, так прекрасно не допустить, чтобы бесследно исчезли люди, которым должна быть уготована вечность. И хорошо вместе с их добрым именем пронести сквозь века и свое» [10, Ер. V, 8, 1]. Действительно славу Плиний получил не за свою государственную деятельность; его обессмертили литературные труды.

Таким образом, становится видно, что понятия «negotium» и «otium» претерпели эволюцию и были обусловлены определенным уровнем политических отношений, а также культурой и идеологией общества. Рассмотрев их трактовку в предшествующие периоды, следует обратиться к тому какой смысл вкладывал в эти понятия Сидоний Аполлинарий.

В своих письмах, о конкретных делах, связанных с исполнением государственных обязанностей, Сидоний упоминает вскользь. Поздравляя Евтропия с назначением префектом, Сидоний в качестве единственного пожелания указывает на то, чтобы этот город был для него спокойным [10, Ер. III, 6]. Об исполнении им самим обязанностей префекта Рима, Сидоний вспоминает только то, что постоянно пребывал в состоянии беспокойства, что римский народ может встретить его воплями в цирке, если не подспеют вовремя корабли с хлебом и поднимется цена на припасы [10, Ер. I, 10]. Других

впечатлений об исполнении этой почетной должности Сидоний не оставил. Также Сидоний не указывает цели своего визита к королю Теодориху или очередной поездки в Рим.

При этом Сидоний подробно рассказывает об обыденных занятиях, которым галло-римские аристократы посвящали значительную часть времени. Например, это частые визиты друг к другу, прогулки, купание в бане, обеды [10, Ep. II, 13; II, 9; IV, 8, 9, 18; V, 14; VI, 2; VIII, 9, 11, 12; IX, 13; Carm. XVIII, XIX, XXIII], охота и рыбная ловля [10, Ep. II, 12; III, 3; IV, 21; V, 17; VIII, 6; Carm. V, 90; XXI], различные игры [10, Ep. I, 2; II, 9; III, 1; V, 17; VIII, 8, 11; Carm. XXI]. Именно описанию этих видов препровождения досуга в произведениях Сидония уделено достаточно много внимания.

К «negotium» Сидоний относит содействие друзьям в получении почетных званий [10, Ep. III, 10; V, 9, 20], помощь в юридических вопросах [10, Ep. V, 1, 5; VI, 4], ходатайство в торговых операциях [10, Ep. VI, 2; VII, 10], выполнение мелких просьб [10, Ep. V, 17; VI, 6]. Кроме того в качестве «negotium» Сидоний Аполлинарий рассматривал и сочинение дружеских писем [10, Ep. VII, 2; VIII, 10; IX, 1, 9]. Подобная переоценка во многом объясняется историческим опытом.

Сидоний Аполлинарий жил в период заката Западной Римской империи, когда рушились результаты усилий предыдущих поколений. На множестве примеров Сидоний убеждался, что занятия, которые прежде оценивались как «negotium», оказались бесполезны для потомков и напротив, «otium» остались жить в веках. Так, упоминая в одном из писем имя друга, Сидоний утверждает, что благодаря этому обстоятельству слава его имени будет жить в будущем [10, Ep. VIII, 5].

Следовательно, сочинение дружеских писем расценивалось Сидонием и его читателями как общественно значимые дела, которые должны были способствовать росту популярности у современников и

славы у потомков. Таким образом, в сферу общественно полезных дел, подобающих добропорядочному человеку (знатному и образованному) оказалась вовлечена и литература.

Немаловажной составляющей идеала «благородного человека», было не только занятие литературой, которое должно было доставить известность, но и стремление к почестям.

Именно стремление получить и закрепить новые почетные звания и должности было ведущим стимулом к исполнению общественных обязанностей у лиц того слоя к которому принадлежал Сидоний Аполлинарий. «Согласно всеобщему суждению, знания, звание, добродетель обеспечивают преимущественное право, величайшая вершина которого достигается по ступеням заслуг», - писал Сидоний [10, Ер. VII, 14]. Советуя своему другу Евтропию начать службу при дворе, Сидоний мотивировал это следующим: «Но какая польза увеличивать наследство грязной экономией и в то же время оставаться в неизвестности. И разве не будет позором, когда в день великосветского собрания Евтропий уже старик, встанет позади младших по возрасту. В то время как они будут восседать и принимать участие в дебатах, он, безвестный сельский житель, вынужден будет стоять, заискивать и раскланиваться. Разве не будет позором то, что недостойные обгонят его» [10, Ер. I, 6].

Пределом личных так и несбывшихся честолюбивых мечтаний Сидония было консульство. «Я желаю своим детям, чтобы подобно тому, как мы, вступив в нашу фамилию, отмеченную званием префекта, сделали ее патрицианской, они, получив ее патрицианской, сделали консульской» [10, Ер. V, 16], - пишет Сидоний своей жене.

В последний период существования Западной Римской империи, судя по замечаниям Сидония Аполлинария, достойной примера была не приверженность какому-либо политическому лидеру, или Риму в

целом, а стремление удержать и умножить свои права и привилегии в условиях политической нестабильности. Сам Сидоний не казался своим современникам личностью с неопределенными убеждениями и нестойкой жизненной позицией. Более того по официальному признанию он был примером стойкости и мудрости.

Таким образом, система взглядов Сидония Аполлинария, как представителя галло-римской знати, формировалась в условиях структурного кризиса империи, что нашло свое отражение в списке основных ценностей этого слоя. В первую очередь это патриотизм, но патриотизм не общегосударственного, а местного характера, временами сочетаемый с сепаратизмом. Патриотическая концепция Сидония была ориентирована на Галлию, и главным образом на те районы, где у него были собственные поместья. По сути дела в основе этих политических убеждений лежала экономическая заинтересованность. Патриотические чувства Сидония были тесно связаны с родственными и дружескими отношениями и с трансформацией римской системы ценностей применительно к Галлии. Вторым важным направлением в системе взглядов Сидония Аполлинария был идеал благородного человека. Под благородными людьми Сидоний понимал представителей родовой знати, которые должны были заниматься литературной деятельностью, что должно было способствовать известности и популярности. Но при этом главным условием соответствия этому идеалу должно было являться стремление к достижению почестей и привилегий.

Представленные ценности были характерны для многих представителей галло-римской знати второй половины V в. В этой связи, Сидония Аполлинария можно рассматривать в качестве своеобразного культурно-исторического образца позднеантичной личности. Значение этой модели мировоззрения заключается в том, что она не исчезает в условиях гибели античного мира, а лишь несколько

видоизменяется. В результате эти ценности прослеживаются и в средневековом периоде и даже в эпоху Возрождения.

Список использованной литературы:

1. Ешевский С. В. К. С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в.// С. В. Ешевский. Собрание сочинений в 3-х т. М.: Тип-я Грачева и Ко, 1870. Т. 3. С. 3-342.
2. Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. – М.: Изд-во Московского университета, 1963. 186 с.
3. Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во МГУ, 1984. 256 с.
4. Межеричкий Я. Ю. *Iners otium* // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. С. 41-68.
5. Саллюстий. Югуртинская война / Пер. с лат. В. О. Горенштейна // Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М.: Наука, 1981. С. 40-105.
6. Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. Пермь: Пермский государственный университет, 1975. 281 с.
7. Цицерон. Об обязанностях / Пер. с лат. В. О. Горенштейна // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1974. – С. 329-384.
8. Courcelle P. *Les letters Grecques et Ossident: De Macrobe a Cassiodore*. P.: E. de Boccard, 1943. 440 p.
9. Rouche L. *Aqultaine des Wisigoths aus arabes (418-781). Essai sur le phenomena regional*. – Lille: Servise de reproduction des Theses universite de Lille, 1977. Т. 2. P. 251-490.
10. Sidone Apollinaire. *Poemes. Lettres* / Texte etabli et traduit par A. Loyen.- Dans 3 Livres. P.: Les Belles Lettres, 1960-1970. Т. 1/ *Poemes*. 1960. 200 p.; Т. 2/ *Lettres*. Livres I-V. 1970. 259 p.; Т. 3/ *Lettres*. Livres VI-IX. 1970. 260 p.